

Евгений Евтушенко:

«Дружить надо
навсегда»

Евтушенко
в гостях
у казанского
баритона
в Праге

Эдуард Трескин

Я родился в Казани и очень люблю её. В одном из своих писем Шаляпин называл Казань прекраснейшим городом мира. И для меня это – именно так. Да будем мы пристрастны к местам, где родились! Но есть ещё один город, с которым связаны 18 лет моей жизни, – это Прага. Именно в Праге дважды побывал у меня в гостях Евгений Евтушенко. Хотя впервые мы встретились в Казани, и именно Казань связала нас дружбой. В год ухода великого поэта туда, где нет ни времени, ни пространства, предлагаю читателям свои воспоминания о двух встречах с ним в Праге

Новый год в «Яме»

«ДРУЖИТЬ надо навсегда – в противном случае дружба не имеет смысла». Эту фразу Евгения Евтушенко я часто вспоминал на протяжении почти полувековой дружбы с поэтом.

Однажды в юности мне очень повезло: я познакомился с Евгением Евтушенко, который приехал в Казань, чтобы работать над поэмой «Казанский университет». Я был студентом именно этого университета, а он ещё молодым и уже прославленным поэтом. Нет, лучше наоборот – прославленным поэтом и вполне молодым человеком.

Голубые глаза его ослепительно сияли, соперничая с его же улыбкой. А высокий рост, а спортивная фигура! Во всяком случае, с девушками он знакомился не на раятах и тусовках, а по-молодому: в трамвае и на улице, выдавая себя за профессионального футболиста (что, в принципе, могло быть правдой), то за побочного сына Косыгина (что было, разумеется, чистой воды приколом).

Пражская афиша Евгения Евтушенко

87

Жизнь, как известно, сюжета не имеет, а только – фабулу. Или, говоря проще, что было – то было. Но если оглянуться назад, сюжет выстраивается почти детективный.

Казань. 1969 год. Женя (так Евгений Александрович разрешил его называть) сидит у нас дома за столом, курит и читает стихи. Моя юная жена смотрит на него, словно на новое воплощение Будды. Магнитофон включён, записывающая запретное:

**Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.**

В моей руке хрустит сломанная рюмка, осколок впивается в руку, и кровь материализуется. ...Знал ли я тогда, что дружить мы будем куда дольше, чем просуществует империя?

Мог ли предположить, что поеду работать в Пражской опере именно в тот же год, когда Евтушенко отправится преподавать в Нью-Йорке?

Думал ли о том, что буду принимать участие в его кинорежиссёрском дебюте, снимаясь в фильме «Детский сад» в роли... милиционера?

Мог ли предположить, что однажды, вернувшись со своих лондонских гастролей в пустую пражскую квартиру,

выну из почтового ящика письмо с американской маркой.

Это был 1993-й. Октябрь. CNN передавало на весь мир кадры расстрела Белого дома в Москве. Танки лупили по своим – не привыкать.

США, Нью-Йорк.

«Дорогой Эдик!

Если кто-то заинтересован в романе, ты, конечно, можешь им дать мои координаты. Очень жалко, что мы так и не увиделись – без спешки и гонки – в Москве. Я Вас нежно люблю и всегда помню.

Ужасаюсь тому, что происходит в России. Неужели мы не можем жить по-человечески, культурно, без хамства, без грубой силы?

Одновременно бывают припадки ностальгии. Даже вот так написалось:

**Сам себе чужой я на чужбине,
всосанный в совсем чужую ночь,
будто бы на Родине убили,
ну а тело выкинули прочь.**

Я совсем один. Маша придет с детьми только к 15 октября.

Антология русской поэзии вышла 1072 страницы! Очень красивая книга.

*Обнимаю. Всегда Ваш
Евг. Евтушенко»*

Мороз прорезал по коже от этих стихов. А ещё оттого, что орудия танков всё грохотали и грохотали, Белый дом клубился чёрным дымом, сквозь который не было видно ни прошлого, ни настоящего, ни будущего...

И у меня написалось письмо, где были такие строчки:

Чехия, Прага.

«Дорогой Женя!

Спасибо за письмо. Очень горячими у тебя вышли эти строчки. Но, видно, это уж наше свойство – быть чужими на чужбине. Как я тебя понимаю сей-

час! Я тоже живу один – Галя месяц назад уехала в Казань, заболела её мама. Дочку пришлось временно отдать в интернат при школе.

Не знаю, сколько ещё мне предстоит жить в одиночестве, а тут ещё такая беда в России – сердце кровью обливается, не сплю ночами, а надо петь, петь и быть в форме. (...)

О многом хотелось бы с тобой поговорить, тебя мне очень не хватает. Странно, в эти дни у меня, давно уж ничего не пишущего, тоже вышли сами собой такие строчки:

88

от редакции

*Я около вокзала жил тогда.
Был запах шпал в том тесном, ординарном,
и по ночам, летя над одеялом,
по рёбрам грохотали поезда.*

Евгений Евтушенко. «Казанский университет»

В своей статье Эдуард Трескин упоминает 1969 год, когда Евгений Евтушенко работал в Казани над поэмой «Казанский университет». Это было самое продолжительное пребывание поэта в нашем городе. Жил он в гостинице «Волга», что у железнодорожного вокзала. Горожане часто видели его высоченную фигуру на улицах города, профессора и студенты – в коридорах университета, в библиотеках, архивах... А на следующий год он уже читал поэму в вузе, которому посвятил своё произведение. Актовый зал университета был забит до отказа, люди толпились в проходах между рядов, тянули шеи в дверях...

«Это было что-то невообразимое, – вспоминает доктор филологических наук Татьяна Николаева, возглавлявшая в то время университетскую многотиражку. – Евтушенко читал так, как, наверное, умел только он один. Слезы стояли в глазах у особо впечатлительных любителей поэзии». Поделилась она и такой интересной подробностью: Казанский меховой комбинат подарил поэту нерповую шубу до пят, и он с удовольствием фланировал в ней по городу.

Впервые поэма не только была прочитана автором именно в Казани, но и увидела здесь свет. Она была напечатана в очень популярной тогда газете «Комсомолец Татарии» (12,15.04.1970. №№ 44,45). Ту памятную публикацию, скажем для информации, организовывала олицетворение «молодёжки» на протяжении многих лет минувшего века, завотделом пропаганды и культуры редакции Надежда Сальтина. Редактором издания был Николай Харитонов. А Казанский государственный университет возглавлял ректор, доктор физико-математических наук Михаил Нужин.

*Евтушенко на бенефисе Эдуарда Трескина
в ТГАТ оперы и балета им. М. Джалиля в Казани*

**Повстречать земляка за границей
как приятно: ведь это же – свой!
Словно волжской водицы напиться,
не мазутной, а прежней, живой.**

**Ты – сибирский, а я – из Казани,
друг от друга дома далеки...
За границей мы – вот наказанье,
но зато мы – свои, земляки!**

**Что на родине нас разделяет,
что мешает друг друга понять?
Земляки земляков убивают –
и воды им живой не сыскать...**

А позднее эти мои строки вошли в девятитомное собрание сочинений Евтушенко, наряду с отрывком из повести о съёмках в его фильме.

Тогда же, в 93-м, Евгений Александрович попросил меня связаться с его чешскими друзьями – поэтами и переводчиками Лидией Душковой и Вацлавом Данеком. С тем, чтобы осуществить перевод нового романа «Не умирай прежде смерти».

Я читал этот роман, вернее, отрывки, ещё до того, как он вышел на русском. Полуисторический-полубиографический, детективно-любовный, полный достоверных и выдуманных

подробностей прошлого и настоящего роман уже был переведён на несколько европейских языков, но Евтушенко непременно хотелось, чтобы он заговорил с читателями и по-чешски.

– Кстати, в романе есть и твоё имя, – интригуяще сказал Женя. – Помнишь, ты меня в Москве на «Фауста» пригласил?

Я, конечно, помнил.

Это было лето 86-го: время начала любви Евтушенко к Маше, его теперешней жене. Тогда он, наверное, казался самому себе Фаустом, влюблённым в Маргариту.

Но сейчас была осень, Чехословакия разделилась на две страны, социализм ушёл в прошлое, и невозможно было напечатать роман, хотя бы и очень известного автора, без финансовой поддержки.

Я пел в оперных спектаклях, репетировал, учил новые роли и... искал спонсоров. Даже президенту Гавелу письмо написал, памятуя о том, что тот лично знал Евтушенко. А к тому же, поэт совсем недавно был председателем

Евтушенко и Галина Трескина в Праге

Комитета по борьбе за освобождение чешского писателя-диссидента Гавела из тюрьмы! Ответа я не получил, хотя письмо было переведено на чешский профессиональным переводчиком и положено через секретаря на стол президента...

Время шло. Но только через три года звёзды сложились таким образом, что роман всё-таки удалось перевести и издать в Праге. История издания была почти детективной – с привлечением инвесторов из благотворительного фонда, подключением нескольких переводчиков, согласившихся работать за мизерный гонорар.

Так получилось, что к моменту выхода романа «Не умирай прежде смерти» увидела свет книга «Дай Бог!» – роскошное издание со стихами Евтушенко, с множеством фотографий поэта в Казани и Свияжске, выполненных фотохудожником и издателем книги Сергеем Свинцовым, и с моей маленькой повестью «Как стать кинозвездой» – о съёмках в фильме поэта «Детский сад».

Я не знаю объяснения, но закон парности событий существует. Во всяком случае, в моей жизни. А посему было решено проводить презентацию сразу двух книг – с участием Евтушенко, разумеется.

Рождество только-только миновало, в Праге было холодно – аж минус 10! – а Женя прилетел из Штатов в летних ботинках...

Нет, не хлопоты с организацией его выступлений, интервью, телесъёмок и радиозаписей были основной заботой в те предновогодние дни. Главная проблема заключалась в том, где в Праге найти тёплые ботинки 48-го размера.

Что ни говори, а если человек талантлив в творчестве, его и в жизни интуиция не подведёт. Мы метались из бутика в бутик – и всё было неподходящим: то мало, то маловато. А Женя повёл головой в сторону универмага «Котва», цепляясь взглядом за этот якорь.

– Туда, туда надо идти.

В «Котве»-то ботинки и нашлись.

Меж тем накатывал Новый год (Сильвестр, по-здешнему), он, видимо, тоже бегал по магазинам, закупая для всех подарков кому что.

Прошло выступление Евтушенко в загадочном Икс-клубе, устроенное загадочным немцем по имени Петер Пиффер. Этот «Перчик», как его называли, был благотворителем и музыкантов, и литераторов, и оперных певцов. Чем занимался в прошлом, никто не знал, как никто не знал и происхождение его капитала. Важно было то, что он в студенческие годы был страстным поклонником Че Гевары и Евтушенко.

Потом прошла презентация книг в Лавке писателей, что в Манесовой улице, с пресс-конференцией, с вопросами о ближайших планах, личной жизни и о том, на какие средства поэт жил при тоталитаризме и почему так часто ездил за границу. Переводчиком был по стечению обстоятельств известный оперный эксперт доктор Павел Экштайн,

*Евтушенко
слушает песню
в исполнении
Полины
Трескиной
в пражском
ресторане
«Яма»*

91

который некогда и принимал меня в Государственную оперу Праги.

По воле случая мы встречали 1997-й в ресторане «Яма», расположенном в той части Праги, где когда-то все пивные и рестораны были излюбленными местами посиделок Гашека со Швейком.

Компания была разношёрстная, интернациональная: русские, чехи, американцы... Под сводчатым потолком стоял весёлый гвалт.

Все ждали Нового года, но у Жени с Машей был ещё один праздник – десятилетие свадьбы. Они поженились 31 декабря, и с тех пор весь мир, стремя пробами шампанского в честь Нового года, не подозревает, что устраивает салют ещё и в честь русского поэта и его жены.

Гудели голоса, лилось вино, в струях табачного дыма плавали чьи-то знакомые глаза. Я невольно вспоминал свадьбу Жени там, в Переделкине... Кого только среди гостей не было! Литераторы, музыканты, художники, корреспондент Нью-Йорк Таймс, сын личного врача Льва Толстого, министр культуры Евгений Сидоров, родственники близкие и дальние, друзья...

В разгар веселья приехал Андрей Вознесенский. Он высоко поднимал стакан с чачей и говорил, что счастлив присутствовать на свадьбе у великого русского поэта, а Женя поднимал ответный тост, объявляя, что счастлив –

он, потому что на его свадьбе гуляет великий русский поэт. Впрочем, долго Вознесенский не гулял – хлопнул пару стопок и уехал.

А свадьба продолжалась, «...и крылья эту свадьбу вдаль несли, широкой этой свадьбе было места мало – и неба было мало, и Земли!» Так, кажется, пелось в известном шлягере на стихи поэта, про которого некий партийный начальник сказал задумчиво, что, мол, Роберт – это наш, советский Евтушенко.

Тогда в Переделкине пелось много разных песен (в основном, мною – или гостями со мною же в качестве солиста). Особенно забавно было, когда все мы хором пели арию из «Иоланты»:

**Кто может сравниться
с Матильдой моей?!**

На самом деле, в тот день, конечно же, никто не мог сравниться с северной красавицей Машей Евтушенко, ещё не знавшей, впрочем, что её будущие сыновья будут говорить на американском английском гораздо лучше, чем на московском русском.

Ну, а в эту ночь в «Яме» я пел совсем немного. Главной певицей была моя дочь – тогда ещё школьница – Полина. От одной из её песен Женя даже прослезился: песня была о Праге, любви и России.

– В болевую точку попала, – сказал он, – понимаешь, туда, где болит.

Поцеловал её и добавил:

– Ах, ты... девяностик!

– Девяностик? – удивилась дочь.

– Ну, да. Я шестидесятник, а ты – девяностик.

Было бы всё же неправдой сказать, что мы встретили Новый год вместе. За полчаса до полуночи по европейскому времени Евтушенко почему-то захотел вернуться в отель «Богемия», где тогда остановился.

Этот отель я не мог вспоминать равнодушно: год назад я пел там на концерте, и во время верхнего «соль» в «Каватине Фигаро» лопнула люстра – буквально, кусок отвалился и упал на пол, к счастью, никого не задев. Свидетелями этого казуса были весьма известные музыканты, певцы и журналисты. Поэтому вскоре в одном из пражских журналов появилась статья с моим портретом под заголовком: «Русский баритон голосом разбивает люстры».

Когда я рассказал эту историю Евтушенко, тот удивился, посмеялся и заметил, что с таким умением надо жить в Америке и выступать в цирках, поскольку американцы такие трюки любят и платят за них бешеные деньги.

Может, причиной возвращения Евтушенко в отель была его усталость, может, – недомогание Маши, а, может быть, он просто не захотел дожидаться Нового года в месте с названием «Яма»...

Во всяком случае, встретились мы уже в 1997-м, то есть на следующий день, 1-го января.

Новогодняя ночь не прошла для поэта впустую – он написал стихи о Праге, любви...

**Это было внезапной обвала –
то, как ты меня целовала
новогоднюю ночью пражской.
И луна серебрилась пряжкой
твоего захмелевшего пояса,
улетевшего дальше полюса...**

**Взорвалась ты, как пенная брага,
так, что вздрагивала вся Прага.
Целовалась, теряя разум,
словно тысячи женщин разом!..**

Через два дня после Нового года состоялось выступление Евтушенко

в Российском культурном центре, как всегда, в переполненном зале. Зал носил имя Дмитрия Шостаковича, который когда-то сам позвонил Евтушенко с предложением написать симфонию на его стихи «Бабий яр».

В первом ряду восседал посол – Николай Рябов, тот самый человек, что недавно как председатель Центризбиркома подписывал мандат Ельцину. Соответственно, все первые ряды были оккупированы посольскими и торгпредскими, как полагалось по протоколу. Я сказал несколько вступительных слов, показал публике вышедшие только что книги, ну а потом – было время Евтушенко и его стихов.

Он читал и старые свои стихи, и новые. А чтение одного из стихотворений – «Нет лет» – посвятил мне, как человеку без возраста...

На следующий день мы пригласили Женю и Машу к себе в гости.

– Чем угощать будем? – спросил я жену, не отключившуюся выдающимися кулинарными способностями.

– Этого гурмана, – сказала Галя, – ничем не удивишь. Знаешь, у него есть такие строки в стихотворении «Парк»:

**И, возжелавши лёгкой качки,
ледея благостную лень,
возьму я чешские «шпикачки»
и кружку с пеной наберень.**

Здорово? Давай купим пива, ты пожаришь шпикачки, и ещё какой-нибудь салатик сделаем. По-студенчески, а?..

– Хорошо, – сказал я. – Попробуем.

К счастью, никаких шпикачек готовить не пришлось. Нам неожиданно позвонили из резиденции посла и пригласили на ужин. Даже прислали машину.

Евтушенко с женой уже были там.

До утра мы просидели в тесной компании: пили, пели, слушали рассказы поэта о встречах с Пикассо, Кеннеди, Никсоном, Луи Армстронгом... О том, как он охотился на медведя в Сибири и анаконду в амазонской сельве, ходил в море с китобоями...

Я попросил его рассказать что-нибудь интересное про оперу. И он выдал – как однажды в Париже всю ночь ходил

из бара в бар вместе с владелицей кабаре «Распутин» мадам Мартини и её подругой Марией Каллас. А под утро, напившись анисовой водки и объевшись луковым супом в бистро для ночных таксистов, они пришли к нему в отель и, не раздеваясь, рухнули на огромную кровать «королевского» номера.

– А утром Мария Каллас распевалась? – невинно спросил я.

– Нет, она молчала... у неё вечером должна была быть «Тоска».

Под утро Женя взялся гадать нам по руке, уверяя, что умеет это делать профессионально, но с нас денег брать не будет.

– Какая интересная у тебя ладонь!.. – сказал он, обращаясь к моей жене. – Ну, в точности как... у меня. Как такое возможно? Никогда не встречал...

Я в это время сидел за роялем и что-то наигрывал тихо – так, что до меня долетали только обрывки его фраз. Женя говорил, как заправский гадалщик, пересыпая речь такими эпитетами, что посол удивлённо смотрел и старательно держал подсвечник – по правилам, как сказал поэт, гадать полагалось при свече.

– А у меня, Евгений Александрович, у меня такая же рука, как у мамы? – несколько ревниво спросила дочь.

– У тебя?... – Женя внимательно изучал ладонь Полины.

– Знаешь... Таких линий я вообще что-то не припомню. Словно у марсианки... санскрит будущего...

– А вы встречались с марсианами? – съехидничала дочь.

– Представь себе – да. Я частенько у них там бываю.

«А что? – подумал я. – Может, и правда».

Спокойного отъезда из Праги не получилось. Вначале рано утром отправили совсем разболевшуюся Машу в Америку. Евтушенко уезжал поездом в Германию на запись телевизионной передачи. Сборы, неразбериха, белые листы черновиков разбросаны на столе, из чемоданов высовываются рука-

ва сорочек, будто не хотят уезжать. Как назло, куда-то подевался билет – а до отхода поезда всего полчаса.

Всю дорогу, пока ехали, искал билет, выворачивал карманы. На вокзале кинулись к кассам – очередь! И ведь не возопишь: «Граждане, пропустите, пожалуйста. Это – Евтушенко!» Тут, у кассы, каждый – Шекспир.

– Туда! – закричал Женя, полагаясь, как обычно, на свою верняк-интуицию. Слава богу, что мы его на сей раз удержали – не то прямо по путям побежал бы.

– Ничего, может, в поезде куплю. Обойдётся.

Он влетел в вагон, ловя на лету чемоданы. Уже потом выяснилось, что билет был в одном из них. Так что интуиция и на этот раз его не подвела.

Когда Евтушенко уехал, Прага оказалась пустой и немного более провинциальной, чем обычно. Впрочем, я знал, что у этого человека есть особенность: в любую столицу мира приезжать, словно в провинцию из великой страны, которой нет на географических картах, которую нельзя сфотографировать с новейшего спутника из космоса, у которой нет границ и пограничников.

Эта страна не конкретна, она – всюду, где-то: в Сибири и на Аляске, в Казани и в Рио-де-Жанейро, на Кавказе и в Андах, в Москве и в Мытищах, в центре Европы и на далёких островах южных морей. Это целая империя, где живут всенациональные обладатели самых разных званий, профессий, титулов, состояний, возрастов, характеров и интересов.

В этой империи равноправно обитают буфетчица Зинка и «белая ночь поэзии» Анна Ахматова, пастух-татарчонок Бахавий и солнечубый Роберт Кеннеди, первая машинистка и похожий на самого себя Хемингуэй, девочка из города Казани и «высокое общество» старух, бывший тореро и Шаляпин русского футбола Всеволод Бобров, танцовщица живота и идущая «на пальчиках» Уланова, Франсуа Вийон и Панчо Вилья, Стенька Разин и Пётр Великий, Пушкин и Пиросмани...

Это – империя его души, и попасть в неё можно только через сердце поэта, а пропуск туда – его книги. Ну, да он сам написал когда-то:

В моё сердце,
как в дом,
заходите –
и в нём
будьте
как дома!

«Спасибо, Евгений Александрович, – говорил я себе, – непременно зайдём – и в дом, и в сердце. Не надейтесь, что мы вежливо откажемся от вашего приглашения».

Кстати, о возрасте. В своё время Евтушенко написал такие строки:

Жизнь, ты бьёшь меня под вздох,
а не уложить!
До семидесяти трёх
собираюсь жить.

Казалось, наверно, тогда, что семьдесят три – это где-то далеко, в XXI веке.

Помню, как тогда сказал ему осторожно:

– Жень, а ты не хочешь переделать эти стихи, ну, скажем, так: «до восьмидесяти трёх собираюсь жить!»

– Ты думаешь, 83 это так много? – улыбнулся поэт.

– Ну... тогда: «Я до девяноста трёх собираюсь жить!» А можно и так: «Я до ста, быть может, трёх собираюсь жить!»

Евтушенко похлопал меня по плечу: – Не волнуйся. Я уже продумал все варианты.

«Нет
лет... –
вот что кузнечики стрекочут нам в ответ...
Нет
лет.
Мы все,
впадая сдуру в стадность,
себе придумываем старость,
но что за жизнь,
когда она – самозапрет?
Копни любого старика,
и в нём найдёшь озорника...
Нет
лет.
Есть только чудные и страшные
мгновенья.
Не надо нас делить на поколенья.

Всевременность –
вот гениев секрет.
Любить.
Быть вечным во мгновении.
Все те, кто любят, –
это гении.
В любви полмига –
полстолетия.
Полюбите –
не постареете.
Нет
лет.
Есть
весть,
что существует жизнь другая,
но я смеюсь,
предполагая,
что сотня жизней не в другой,
а в этой есть,
и можно сотни раз отцвеств
и вновь расцвеств...
Нет лет...

Богемский гранат

Полированные временем и шагами бульжники пражской мостовой выдыхали влагу только что прошедшего дождя. Солнце светило по-майски ярко, и в его лучах черепичные крыши, бронзовая патина статуй, витрины магазинов и облитые бело-розовой пенкой цветов деревья выглядели празднично.

Мы шли с Евтушенко в Пражский ПЕН-клуб – там у него сегодня была встреча с писателями, друзьями-переводчиками, а также со Зденеком Свераком, легендарным актёром и сценаристом оскароносного фильма «Коля». Кроме этой дневной встречи, вечером предстояло выступление поэта в Российском культурном центре.

С утра он уже успел написать статью для «Независимой газеты» и принять двух-трёх журналистов. Ну, а сейчас – перед встречей в ПЕН-клубе – Евтушенко захотел зайти в ювелирный магазин, чтобы купить подарок жене Маше.

– Кажется, самый известный драгоценный камень в Чехии это гранат? – сказал Женья.

– Да, – подтвердил я, – богемский гранат. Турновские гранаты – они самые лучшие.

– Турновские?

– Их добывают в окрестностях горо-

да Турново. Но вообще-то самый загадочный чешский камень – это влтавин, его только в Чехии находят.

– Влтавин? Это от названия реки Влтавы, что ли? Никогда не слышал. А какого он цвета?

– Зелёный... Небесного происхождения.

– Как это? С неба упал, что ли?

– Ну да – осколки метеорита разлетелись по Чехии когда-то.

– Нет, осколков не надо... Давай всё-таки гранаты посмотрим.

Продавщица в лавке бойко говорила по-русски, поскольку родом была из Черновиц.

Пересмотрев несколько колец, медальонов и брошек, покрутив их в руках с критическим видом, Женя выбрал золотой перстень с крупным тёмно-красным гранатом в виде лодочки в обрамлении мелких камешков.

– Как называется камень? – спросил он продавщицу.

– Так гранат же ж, богемский гранат.

– Я имею в виду форму, должно ведь быть какое-то наименование.

– А-а-а... Да... как хотите – на выбор: челночок, лодочка, маркиза.

– Маркиза? – обрадовался Женя. – Это подойдёт.

Прошло двенадцать лет после прошлого приезда Евтушенко ко мне в Прагу. Смело говорю «ко мне», потому что, не живи я тогда в этом древнем городе, поэт в это время туда и не приехал бы. Посетил бы, скажем, Вену или Париж, а, может быть, и Казань. Хотя... кто знает, возможно, звёзды так расположились, что снова встретиться нам было суждено именно в Праге.

На дворе стоял год 2009-й, новый век – и сегодня я был почти ровесником ему, тогдашнему. Но ощущение себя школьником рядом с учителем оставалось всегда, хотя мы много лет уже были на «ты». А вот моя жена так и не назвала Евтушенко Женей ни разу – только «Евгений Александрович» и «вы». Не могла отделить великого поэта от человека.

– Ты знаешь, Эдик, я в Праге почему-

то вспоминаю стихи Маяковского: «Нежен чех, нежнее, чем овечка – в мире нет нежнее человечка. Дуют пивечко из высоких кружечек – и всё в уменьшительном: пивечко, млечко...»

– Я бы сказал, Женя, что чехи – они не нежные, а сказочные. Послушай, какие у них голоса – просто из старой радиопередачи «Сказка за сказкой», что-то детское присутствует, очаровательное...

– Да, пожалуй... – улыбнулся Женя.

– Но, во всяком случае, на хоккейной площадке их нежными никак не назовёшь.

– И во времена гуситских войн тоже. Войска крестоносцев не могли одолеть таборитов. Знаешь, почему? Гуситы переняли тактику боя у татар.

– У татар? Ну да, конечно. Как говорили древние: «Поскреби чеха – найдёшь татарина». Ты помнишь старый фильм «Полководец Ян Жижка», а? – спросил Женя.

– Ещё бы! Смотрел его в детстве, в Казани.

– А я в юности, в Москве. Тогда мне казалось, что у нас с чехами какая-то общая история, которую одновременно соединяют и Ян Гус, и бравый солдат Швейк.

– Мимо памятника Яна Гуса мы только что прошли, Женя, а Швейк и сейчас живее всех живых – сидит в ресторанах его имени, пиво потягивает...

В небольшом зальчике ПЕН-клуба было шумно – писатели, переводчики и журналисты ждали появления Евтушенко под вино и пиво. В коридоре стоял табачный дым – вежливые, но свободолюбивые чехи никак не желали внимать глобальному стилю здорового образа жизни и курили всюду.

После дружеских объятий со Зденеком Свераком Евтушенко пригласил того сниматься в своём новом фильме.

– Я хочу снять фильм о Чили, о последнем романтике Альенде, о великом поэте Пабло Неруде, о политике, любви, самоубийстве... И о том, что безысход-

ности нет. Это будет фильм по моей поэме «Голубь в Сантьяго».

Сверак согласно кивал головой:

– Да-да, конечно. А наш Ян Неруда вам нравится?

– Ещё бы! На русский его переводили прекрасные поэты – Ахмадулина и Слуцкий.

И вот Евтушенко сидит за столом, вокруг него чешские поэты и прозаики. Разговор идёт, конечно же, о литературе – чешской, русской и мировой, о жизни поэта в Америке, о его увлечении фотографией. Вспоминают знаменитую фотовыставку Евтушенко в Староместской ратуше и о том, как чешские переводчики, оставшись после бархатной революции лицом к лицу с непонятным и безжалостным рынком, договорились между собою о том, чтобы временно переводить русских поэтов и писателей бесплатно – лишь бы не порвалась нить, связывающая родственные культуры.

Красное вино «Франковка» льётся рекой, табачный дым становится всё гуще, а я, слыша обрывки долетающих до меня фраз, вспоминаю вчерашний день – день приезда поэта в Прагу.

Мы приехали в аэропорт точно по расписанию – но, войдя в зал прилётов, я тут же услышал своё имя, произнесённое в микрофон.

– Пан Трескин, вас ожидают у стойки информации.

Я побежал на зов железного голоса – Евтушенко стоял у стойки и укоризненно смотрел на меня.

– Я уже двадцать минут здесь стою, а тебя всё нет.

– Женя, ради бога, извини. Но мы как будто вовремя приехали – видимо, самолёт прилетел раньше.

– Да... Это я попросил пилота лететь побыстрее. Объяснил, что, мол, к другу лечу, – сказал Женя и надулся.

Микроавтобус мягко стрекотал по брусчатке, мы ехали в Российский культурный центр, где Жене предстояло выступать на следующий день. Он согла-

сился, чтобы его поселили там же – в небольшом гостевом номере.

Поэт выглядел уставшим, ещё бы – в Москву он прилетел только вчера из Америки. Восемнадцать часов в пути, да с двумя пересадками, да утром в Прагу, а я, идиот, не встретил вовремя...

– Все билеты на твоё выступление, Женя, распроданы – так что завтра ждёт полный зал.

– Сколько мест в зале? – спросил Евтушенко.

– Примерно четыреста.

Евтушенко покивал головой. Ну, конечно, что значит этот зал для поэта-оратора, которому устраивали бесконечные овации на переполненных стадионах, на чьи концерты попасть было нелегко, будь то Карнеги Холл, Медисон-сквер-гарден или «Олимпийский».

– Тут смешное совпадение произошло, – сказал я, желая как-то разве-селить поэта.

– Какое ещё совпадение? – насторожился Женя.

– На этой неделе в Праге выступает Плющенко, ну знаешь, фигурист, олимпийский чемпион.

– И что?

– Я пригласил одного знакомого в Российский центр на твоё выступление, а тот меня спросил: каким образом он будет выступать на этой сцене – там же льда нет. Представляешь? Он перепутал! Плющенко ведь тоже Евгений и фамилия заканчивается на «ко».

– Да-а-а!.. – протянул Евтушенко.

– Хорошо же ты меня вдохновляешь перед концертом! Одним словом, «ты – Евгений, я – Евгений»... И что ему ответил?

– Что тут ответишь? Схохмил... Сказал, что будет кататься на роликах.

Женя хмыкнул и стал усиленно смотреть в окно.

За завтраком помирились – собственно ссоры-то и не было никакой. Выпив полкружки светлого пльзеньского и съев шпикачку, Женя внезапно сказал:

– Ну, давай хоть обнимемся, поздравляемся как следует – не могу на тебя сердиться.

Мы сидели во дворике трактира «У Вилема». За изгородью неслись машины, а здесь было уютно, хотя и чуть-чуть прохладно на утреннем майском ветерке. На другой стороне улицы виднелись окна и крыша большого старинного особняка.

– Это резиденция американского посла, между прочим, – сказал я.

– Вот как? Ну, значит, территория этого дворика надёжно прослушивается и просматривается. Спой для них «Калинку» или «Очи чёрные». Шучу!

– Да я уже пел для них однажды в Праге.

– Давал концерт в американском посольстве?

– Нет. Я как-то попал на день рождения к своему приятелю. Сидели в итальянском ресторане, веселились. Хозяин оказался меломаном. Узнав, что я певец, предложил пари: он включит запись певца, своего друга детства и, если я угадаю имя, подарит мне бутылку своего лучшего вина. А если не назову имя, то должен сам спеть что-нибудь.

– Ну и... угадал?

– Марчелло – так звали хозяина ресторана – поставил диск неаполитанских песен в исполнении какого-то тенора. Сказал, что тот очень-очень знаменитый. Но я что-то не мог припомнить никого из великих с таким тембром.

– Не угадал?

– Представь себе, я узнал этот голос. Правда, он очень изменился. Был когда-то необыкновенным, уникальным, а стал заурядным, каких много.

– Из-за болезни что ли?

– Да, пожалуй, что так. Эта болезнь называется возрастная мутация. И ты тоже прекрасно знаешь имя этого певца.

– И кто это, всё-таки?

– Робертино Лоретти.

– Не может быть! – Глаза Жени, наконец-то, заблестели, он по-настоящему ожил. – Кто ж его не знает! Волшебный мальчик – Са-а-анта Лючи-и-и... извини, я сегодня не распевался.

– Так что – бутылку марочного кьянти я получил. Но спеть, конечно, спел –

для Марчелло, друга Робертино... А в соседнем зальчике сидела компания американцев – они хлопали, кричали «браво». Пришлось ещё спеть. Потом мы выпили вместе. Оказалось, что один из этих ребят – посол США в Чехии.

– В гости не приглашал? – улыбнулся Женя.

– А то! Так и сказал: заходи, мол, в гости, Эдуард. Правда, не уточнил – куда.

От «Вилема» в Российский центр пошли пешком – тут было недалеко. Два тяжёлых чемодана Евтушенко водитель уже отвёз к нему в номер. Там были книги.

В большом зале культурного центра гремела музыка, шумели дети – шёл какой-то фестиваль концерт.

Нас радушно встретил директор – Борис Ионов, который, собственно, и организовал этот визит поэта в Прагу. Я несколько дней вёл переписку с поэтом о датах приезда, о гонораре, потом мы обсуждали всё это с Борисом, тот, не без оснований, сомневался – сумеем ли мы выручить от продажи билетов требуемую сумму, я снова отсылал мейлы Евтушенко, и, в конце концов, он согласился приехать и выступить за любые деньги, которые мы соберём – только ради нашей старой дружбы.

А сейчас Евтушенко сказал, что устал с дороги, хочет поспать и пообещал, что завтра выступит так, что все будут довольны.

Я проводил его в номер, туда шум концерта не долетал.

– Я дверь прикрою, а запираю не буду, чтобы ты разбудил меня часа через три – к вечеру. А потом пойдём, поужинаем. Надеюсь, Галя составит нам компанию?

– Конечно, Женя.

Галя пришла, когда концерт уже закончился. Было воскресенье – и все работники культурного центра тоже разошлись по домам. Дежурный даже отдал мне ключи от входных дверей и удалился.

В стеклянно-бетонном кубе дома остались только три человека – мы с Галей в вестибюле первого этажа и поэт, спящий на втором.

День постепенно таял, воздух сгустился, лиловел. Мы сидели на диване, смотрели на цветущие деревья за стеклом, разговаривали тихо, как будто боялись разбудить спящего.

– Ступай, посмотри осторожно, как он там, – сказала Галя. – Только не помешай.

Она произнесла это так, как будто наверху спал ребёнок. Я бы не удивился, если бы она велела поправить ему подушку и укрыть одеялом. Женя спал, действительно, как ребёнок – безмятежно, чуть-чуть посапывая. Одеяло и вправду немного сползло, но поправлять я, конечно, не стал – было тепло. Я спустился вниз.

День почти превратился в вечер, в вестибюле было сумрачно, но мы не стали зажигать свет. Я подошёл к роялю, стоящему возле стеклянной стены, и открыл крышку.

– Ты что?.. – шёпотом крикнула Галя. – С ума сошёл? Разбудишь!

– Не бойся, там не слышно. Я потихоньку... только губами пошевелю.

Я сел к роялю и еле слышно стал наигрывать...

Покрылась Прага вся
цветочной пенкой,
в Российском доме –
 праздничный аврал...
На сцене – дети, зал рукоплескал,
никто не знал, что рядом,
 как в застенке,
в закрытой комнате
 Евгений Евтушенко,
мною вовремя не встречен,
 мирно спал.

Потом Дом опустел – и только
Галя
да я поэта сторожили сон...
А он всё спал – и песни на рояле
я стал наигрывать –
 те, что придумал он.
«А снег идёт» – в снегу акаций
Прага...
«Твои следы» – их время не со-
трёт...
Ты «Не спеши» –
 пусть подождёт бумага,
перо обманет – сердце не со-
врёт...

Он спустился со второго этажа в холл, словно сошёл с небес – неторопливо, скользя рукой по перилам и улыбаясь той особенной своей улыбкой, которая была знакома нам с юности.

«Да, небожитель», – подумал я.

А небожитель расцеловался с Галей, повернулся ко мне и сказал:

– Надеюсь, в ресторане, куда мы сейчас пойдём, вкусно кормят? Я же не обедал два дня, пока сюда добирался!

И мы пошли втроём по узкой улице, мимо цветущих садов, в которых утопали особняки консульств и посольских резиденций. Их окна были темны, будто там обитают не люди, а привидения. Тротуар был местами выщерблен, похоже, его начали ремонтировать, да так и бросили. На мгновение мне показалось, что на планете вообще нет никого, и только мы бредём в неярком свете уличных фонарей без руля и без ветрил.

Ресторан назывался «Na Rozhranu», Женя заинтересовался, что означает название.

Я, не ручаясь за точность, перевёл: «На грани».

– На грани чего? – спросил Женя.

– Вот это мне не совсем понятно, – сказал я, – может, на грани голода и сытости?

– Трезвости и пьянства, – подхватила Галя.

– Я догадался, – сказал Женя. – Название переводится просто: «Между городом НЕТ и городом ДА! Согласны с переводом? Значит – идём туда».

Во время ужина Женя был умиротворённым, безмятежным. Шутил, рассказывал о своей профессорской жизни в Америке, о том, что одна супружеская пара – его бывшие студенты – назвали первенца Юджином, в его честь.

– А сколько дней в неделю вы преподаёте? – спросила Галя.

– По понедельникам, – ответил Евтушенко. – Такой вот контракт. Успеваю рассказать ребятам и про русскую литературу, и про европейское

и российское кино. Для американцев кино – очень важная вещь, но наших, да и европейских фильмов они почти не знают. Я наблюдал за лицами своих студентов, когда показывал им «Летят журавли» и «Балладу о солдате», и понял одну важную для меня вещь: люди, которые посмотрели эти фильмы, никогда не будут врагами России.

– Ты веришь в то, что искусство влияет на поступки людей? – спросил я.

– Я верю в то, что оно влияет на их души.

...В зале Пражского ПЕН-клуба раздались аплодисменты и дружный смех. Я очнулся от воспоминаний о вчерашнем дне: лицо Евтушенко сияло сквозь табачный дым, он был явно в ударе – и собратья по перу задавали ему всё новые и новые вопросы.

Кто-то заботливо подливал и подливал в бокал поэта красного вина, а он, похоже, совсем забыл, что сегодня предстоит концерт и не собирался уходить из гостеприимного писательского рая. Я с ужасом вспомнил историю с Шаляпиным в Праге, когда он, слишком увлечшись «Бехеревкой» в ресторане, отменил концерт.

– Извините, ради бога, – сказал я громко, – но мы должны покинуть вас – у пана Евтушенко сегодня большое выступление, и ему необходимо отдохнуть.

– Пойдём обедать, – шепнул я Жене на ухо, – а то не успеем.

Евтушенко обнялся на прощание со своими старыми и новыми друзьями, пообещал переводчикам, что книгу своих мемуаров пришлёт в самое ближайшее время, и мы ушли.

За обедом Женя выпил рюмку «Сливовицы» и полкружки пива. Вспомнили, как в прошлый его визит славно посидели в трактире «У чаши» – именно там, как говорят, Швейк поведал свою историю Ярославу Гашеку.

– Знаешь, по-моему, гениальность этого романа не только в содержании,

юморе, описании национального характера, а ещё – в его незаконченности, – задумчиво сказал Женя. – Потому что эта история храброго солдата никогда не закончится – словно река, исчезающая за горизонтом.

Евтушенко вышел на сцену под овации зала – свежий, бодрый, румяный – в белой рубашке со скромной вышивкой. Но сразу выступить не стал – я с моими коллегами и учениками преподнёс ему сюрприз: мы по очереди пели его всенародно-любимые песни... И бежала река, и крутилось чёртовое колесо, и вальс вспоминал вальс, и Штраус стучал кружкой в такт, и к кому-то не ходил старый друг, и кто-то не спешил, когда спешить нельзя.

Поэт обнял всех исполнителей – и Галию, и Игната, и Филиппа, и Татьяну... и стал читать стихи. О, как он читал в тот вечер!

Я был на многих его выступлениях – и в больших залах, и в огромных, но то, как он читал в Праге 4 мая 2009 года, было чем-то невероятным.

«Я – разный, я – натруженный и праздный, я – целе- и нецелесообразный...» Голос гремел набатом и шептал слова любви, очаровывал, завораживал и потрясал. Казалось, позови он – и весь зал в восторге пойдёт по улицам и площадям, лишь бы слышать эти слова, этот голос...

В середине концерта Евтушенко заставлял зрителей петь вместе с ним и фонограммой битловской знаменитой «Yellow submarine», когда стал читать свою «Балладу о пятом битле». По договорённости со звукооператором Виктором, сидящим в застеклённой кабине над залом, Евтушенко взмахивал рукой, включалась запись культовой песни – и зрители хором подпевали: «We will live in yellow submarine, yellow submarine, yellow submarine...»

**В жёлтой субмарине,
в жёлтой субмарине
четверо мальчишек-англичан
флотский суп варили,
чёрт-те что творили,**

подливая в миски океан.
В общем, шло неглупо
сотворенье супа
из кипящих музыкальных нот,
и летели чайками
лифчики отчаянно,
и бросались трусики в полёт.

Евтушенко призывно взмахнул рукой. Запись не шла. Ещё раз взмахнул – молчание. Тогда он отчаянно вскричал в микрофон:

– Витя, давай!!!

Витя запоздало включил фонограмму – зал подхватил и спел про жёлтую субмарину. Виктор в прошлом сам был моряком-подводником и, по-видимому, заслушался, в надежде узнать, как же оно жилось на вражеской подводной лодке.

А Евтушенко, ничуть не смущаясь огрехом техники, продолжал читать:

Вот мне что обидно —
вроде пятым битлом
по гастролям с ними ездил я,
а вот не успели —
вместе мы не спели!
Но сегодня очередь моя!

– Давай, Витя!

И Витя давал, и зал пел...

Евтушенко читал стихи, читал отрывки из своей прозы. Градус его чтения не падал, а взмывал всё выше – к запредельной температуре. И когда через два часа извержения этого вулкана прозвучали заключительные строки «...Если будет Россия – значит, буду и я», зал вскочил. Эти слова вызвали слёзы у тех, кто жил здесь в Праге по своей воле или по стечению обстоятельств, но никогда не забывал о том, как «идут белые снега» там, в России.

Концерт закончился, а зрители не расходились. Толпа журналистов кинулась к сцене – брать интервью, но Евтушенко остановил их жестом.

– Дорогие друзья, ещё Александр Сергеевич Пушкин сказал: «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать». Вот!

И он поднял над головой огромную книгу красного цвета.

– Вот здесь – весь я, ну, или почти весь. Книга так и называется «Весь Евтушенко». Она у меня с собою только в одном экземпляре. Предлагаю аукцион.

Аукцион, практически, не состоялся, поскольку книгу тут же купил начальник протокола российского посольства.

Целый час журналисты терзали Евтушенко, задавая вопросы разного сорта. Он отвечал легко, словно в пинг-понг играл. Только однажды, отвечая на вопрос, почему он, русский поэт, так долго живёт в Америке, Женя вышел из себя.

– Запомните, – глаза его холодно блеснули, – я не живу в Америке, я там работаю. Преподаю русскую литературу, это понятно? Вы раньше в отделе идеологии райкома не служили? Нет? Ну и великолепно.

Подошёл человек с бородкой, и своеобразно представился:

– Имя моё вам ничего не скажет. Заявляю сразу – я убеждённый сталинист. Но ваши стихи, даже антисталинские, вызывают у меня восторг. Спасибо, Евгений Александрович.

Евтушенко только развёл руками.

Когда журналисты ушли, Женя вытер пот со лба и сказал:

– У меня такое чувство, что репутация чешского пива несколько преувеличена – какое-то слабоватое, на мой теперешний вкус, по сравнению с бельгийским или французским. А есть в Праге пиво покрепче?

Наш друг Зденек с воодушевлением предложил ехать в ресторан «U Medvidku» – там подают пиво такой крепости, что всякие там французы с бельгийцами отдыхают.

И мы поехали пить невиданной крепости пиво, меж тем, как счастливые зрители шли по домам. Ну, а те из них, кому повезло, ещё и несли с собою книги с автографом поэта на форзаце. Евтушенко привёз из Москвы сто томиков новой книги «Стихи о любви» – их раскупили перед концертом за несколько минут.

Поэт не поленился на каждой книге оставить не просто свою подпись, но и афористичную строфу или пожелание. Причём все строки были разными.

Когда-то было в моде – на ярмарках, на базарах – покупать билетик с предсказанием судьбы. Учёный попугай вытаскивал свёрнутую в трубочку бумажку, где было написано, что вас ждёт в будущем. Мальчику Жене он тогда вытащил счастливый билет с предсказанием великого будущего.

И сегодня Женя отдался – каждому было написано что-то хорошее:

* * *

Пою и пью, не думая о смерти,
раскинув руки, падаю в траву,
и если я умру на белом свете,
то я умру от счастья, что живу.

* * *

Не важно – есть ли у тебя
преследователи,
а важно – есть ли у тебя последователи!

* * *

Весенней ночью думай обо мне,
и летней ночью думай обо мне,
осенней ночью думай обо мне
и зимней ночью думай обо мне...

В пивном ресторане было шумно – все говорили разом, и никто друг друга не слышал. Мы – Женя, Борис Ионов, я, Галя, Зденек, протокольный начальник из посольства и ещё один неприметный человек из зрителей, никому не известный – сели в самом тихом уголке, но и там не все слова можно было разобрать. Женя отведал пива, одобрил, стал рассказывать о том, как он встречался с Лилей Брик, как удивила она его своей некрасивостью, хотя все её называли красавицей, и сам Маяковский писал про свою любовь: «Она красивая – её, наверно, воскресят».

– Я понял, – сказал Женя, – главное, чтобы женщина сама верила в свою избранность и красоту, а другие обязательно эту веру растиражируют.

В ресторане вокруг галдели так, что уши закладывало – к этому позднему часу от сказочного пива все были на бровях. Кроме Евтушенко –

он никогда не пьянел, сколько бы ни выпил.

Это именно к нему могли бы вполне относиться строки Ходасевича из стихотворения «Вахх»:

Я же – прочь, походкой резвой,
В розовеющий туман,
Сколько бы ни выпил — трезвый,
Лишь самим собою пьян.

Домой нас с Галиной отвёз на своей машине Зденек, а Женя уехал с Борисом Ионовым.

По дороге, сидя в машине, Галина не уставала поражаться не только таланту поэта, но его неиссякаемой энергии.

– Ну откуда, откуда он её берёт?.. Просто... какой-то Антей!

На следующий день Евтушенко уезжал в Будапешт, а оттуда – во Франкфурт, читать лекции и выступать. Поезд отходил поздно вечером, и свободное время поэт решил посвятить знакомству с художественными галереями Праги, а заодно купить в какой-нибудь частной галерее картину на память.

Поехали в Национальную галерею, бродили по залам Выставочного дворца, любясь шедеврами Делакура, Родена, Писарро, Ренуара, Гогена, Ван Гога, Шагала, Пикассо... Евтушенко возле одних картин стоял подолгу, оценивая и размышляя, а другие картины, тоже известные, пропускал, как бы небрежно пролистывал. Среди художников, чьи картины находились здесь, были и те, с кем ему доводилось встречаться.

Он разбирался в живописи, а чашеньки и великие художники разбирались в нём, дарили свои картины – и Пикассо, и Шагал, и Макс Эрнст...

После полутора часов, проведённых в Национальной галерее, у меня слегка кружилась голова. Но Женя был полон решимости всё-таки приобрести картину и велел водителю Вратиславу – или, как его душевно звали все, Вратуку – отвезти нас в какую-нибудь частную галерею. Вратик резонно и по-чешски обстоятельно поведал, что таких галерей

очень много в Праге, и, чтобы обойти все, одного дня не хватит.

Тем не менее, он отвёз нас к Карлову мосту, припарковал машину и отправился вместе с нами на поиски картины. Я подумал о том, что Евтушенко специально зашёл в Национальную галерею – пропитаться духом великих художников, зарядиться их аурой, настроиться так, чтобы не купить подделку. Мы зашли в несколько галерей по дороге – ничего Жене не приглянулось. Потом вышли к Парижской улице и где-то в её окрестностях наткнулись на художественный салон. И вот тут-то Евтушенко и выбрал себе картину – «образ», как сказал почешски Вратик.

Это был такой странноватый пейзаж в авангардном стиле.

– Как тебе? – спросил Женя.

– Извини, я в живописи не так, чтобы очень, – сказал я и честно добавил: – По-моему, какая-то мазня.

– Да, – улыбнулся Женя. – В живописи ты, похоже, совсем ничего не смыслишь. Беру...

Картина была куплена, любовно упакована, вручена Вратнику с наказом – нести бережно.

По пути к машине зашли в кафе перекусить. Вратик отнекивался, говорил, что сыт. Но Женя буквально заставил его заказать себе что-нибудь. Он любил угощать, всегда платил в ресторане за всех, кого приглашал.

Посетителей было немного, тем не менее, девушка за соседним столиком повернулась к своему спутнику и стала что-то оживлённо шептать ему. Потом они оба встали и подошли к нашему столу.

– Добрый день, Евгений Александрович! Позвольте с вами сфотографироваться... на память...

– Здравствуйте. Вы из России, туристы?

– Мы из Иркутска, учимся в Карловом университете.

– Земляки! – просиял Евтушенко. – Ну, конечно, с удовольствием!

Я сфотографировал их вместе на телефон девушки Иры, так её звали.

– А стихи вы любите?

– Конечно, – сказал юноша. – Ира тоже пишет стихи.

– Вот! – сказал Женя, как бы споря с невидимым оппонентом. – Вот – девушка из Сибири, учится в Праге и пишет стихи. А вы говорите, что поэзия умирает!

Когда мы подъехали к Российскому центру, вечерняя синева уже накрыла и сады, и особняки, и редких прохожих.

Директор центра Борис Ионов представил Евтушенко свою юную дочь Марианну – она писала прозу и эссе.

Евтушенко взял журнал «Пражский парнас», где был напечатан рассказ Марианны, пробежал глазами полстраницы и удивлённо взглянул на девушку:

– По нескольким строчкам сразу видно – вы не случайный человек в литературе. Сколько вам лет?

– Двадцать два... уже...

– Вы – прелесть, – сказал Евтушенко. – А вот скажите, сколько вы весите?

– Я не знаю, – пролепетала девушка, – мало... а что?

– Просто вы такая... как бы сказать... словом, хочется взять вас на руки и нести через ручей.

– Через ручей? – тихим голосом повторила Марианна. Лицо её порозовело.

– Вот такой вот образ у меня возник рядом с вами... – пророкотал Женя.

«Ну, конечно, сейчас только и возник этот образ», – подумал я, вспомнив давние строки поэта: «Мне нравится в лицо врагу смеяться и женщину нести через ручей».

Борис пригласил нас посидеть перед отъездом у него в кабинете за бутылкой хорошего французского вина, но я оставил их наедине и пошёл домой.

– На вокзал выезжаем через два часа, – сказал Женя. – Жду вас вместе с Галей.

– Устал? – спросила жена, когда я вошёл в дверь.

– Ещё бы – целый день бродили по галереям, пол-Праги исходили. Кстати, Женя был недоволен, что тебя не было с нами.

– Ты знаешь, как я Женю люблю, – вздохнула жена, – но на третьи сутки общения с ним просто изнемогаю от усталости. У нас с ним уровни энергии разные.

– Да-а-а, Галя, – сокрушённо покачал головой Евтушенко, когда встретились, – не почтила ты меня сегодня своим присутствием...

– У меня мигрень была, Евгений Александрович, – виновато ответила Галя.

– Хорошо хоть проводить пришла, – улыбнулся Женя.

– Кстати, Евгений Александрович, вчера публика с такой скоростью ваши книжки с автографами расхватала, что я купить не успела. Так обидно.

– Ладно, сказал Женя, – поищу. Может, одна у меня где-нибудь и притаилась.

На вокзале мы посадили Женю в вагон. Он был один в купе – мы молча присели рядом. Женя задумчиво произнёс:

– «Вокзал – несгораемый ящик разлук моих, встреч и разлук. Души моей друг и приказчик, начать – не исчислить заслуг». Почему-то на вокзалах я вспоминаю эти строчки Пастернака... Да, чуть не забыл!

И он вынул из сумки свою новую книгу и протянул Гале.

– Я был очень рад снова встретиться с вами в Праге. Дайте, я вас поцелую.

– Вам спасибо, Евгений Александрович, – сказала Галя, – за всё... за то, что вы есть. Мы вас так любим.

– А я – вас, – сказал Женя. – Пока, увидимся.

Поезд медленно поплыл по перрону.

Мы подошли к фонарю, раскрыли Женину книгу и увидели надпись на титульном листе, этот такой знакомый его почерк: «2009 Praha. Эдику и Гале – созданным друг для друга и всего человечества».

Я тогда не знал, что почти через год мы окончательно вернёмся из Чехии в Россию, и Евтушенко будет читать стихи на моём бенефисе на сцене оперного театра Казани.